

ВСЕГО ЛИШЬ ЧАШКА КОФЕ...

Евгения Константиновна Щербакова родилась в Оренбурге. Окончила филологический факультет Оренбургского государственного педагогического университета, защитила кандидатскую диссертацию по методике преподавания литературы. Работала учителем русского языка и литературы в школе, преподавателем литературы и культурологических дисциплин на кафедре теории и истории культуры в университете. В настоящее время – учитель в Губернаторском лицее-интернате для одарённых детей Оренбуржья. Автор более 60 публикаций по проблемам литературы и искусства. В журнале «Гостинный Дворъ» печатается впервые.

Кофе пить ей было нельзя. Когда-то она пила по пять чашек в день — злоупотребляла, конечно, хотя вполне честно отговаривалась тем, что, мол, давление низковато. Давно прошли те времена. Иногда держалась годами, а потом стала позволять себе чашечку в месяц, в неделю, в день. Но здесь Велка была тверда: одну в день — и всё, кофе ей вреден.

Тёмно-коричневая жидкость с белой шапочкой, под названием капучино, помогала настроиться на рабочий день, на труд, творчество. Она давала ощущение свободы от рутины, десять минут одиночества. И если утром дома Велка иногда держалась, бросая взгляды на стоящую на виду турку и симпатичную декупажную баночку с коричневым порошком, то по пути на работу непременно заходила в «Кофе-лайк».

Но и это было уже давно. Канули в Лету кофе-лайки, ежедневное нарушение диеты. Теперь ни «Эгоист», ни «Бушидо»,

ни «Жардин» — ничего не было в магазинах и магазинчиках. Как в столетние советские времена с их «сухим» режимом, продажа кофе была запрещена, и он выдавался небольшими коробочками исключительно махровым гипотоникам или кому-то в этом роде. Простым гражданам этот зачастую небразильский и очень московский деликатес выдавался раз в год по талонам. Две пачки по двести граммов. Всё объяснялось естественно: заботой правительства о здоровье людей. Многочисленные фастфуды были закрыты, кофе, водка и шоколад исчезли с полок. Ещё не были запрещены пирожки и булки, но поговаривали, что это вопрос времени. Надо было привыкать к здоровой пище: мясу, овощам и... ячменному напитку.

Велка была из разряда симпатичных, но рыхлых, склонных к полноте женщин. Пониженное давление, вечная сонливость из-за густой крови существенно отравляли ей жизнь. Но в часы интересного дела она становилась очень даже энергичной.

Сегодня, двадцать второго сентября, у Велки день рождения, и она мечтала, что кто-нибудь из родственников подарит ей практически контрабандный пакетик с целыми или молотыми зёрнами кофе. Но не растворимый, к которому она даже в условиях заботы о людях не смогла бы привыкнуть, пояись он нечаянно.

Отец Максим говорил, что ограничения, введённые правительством, помогают ей бороться

с этой страстью чревоугодия, но добавлял, что иногда можно и выпить чашку кофе, бережённее для самых трудных минут.

Утром, отведя ребёнка в садик и проводив мужа на работу, исполнив свой ежедневный ритуал — протерев пазы оконной рамы и подоконник (чистота была её пунктиком), она бездумно уставилась в окно. Вернее, задумчиво. Шёл первый сентябрьский дождь, было серо, промозгло, но всё-таки тепло и уютно. Окна «сталинки» напротив приветливо улыбались, ревушие машины уже вовсю неслись по дороге. В девять тридцать у неё должны были начаться занятия по дизайну. По дистанционке, конечно. Велка только собралась читать утреннее правило, как раздался звонок. Совсем не неожиданный. И вправду — разве может быть неожиданным звонок в восемь пятнадцать?

Открыв дверь, она увидела вредного, вечно сверлящего что-то в своей квартире соседа, у которого теперь был очень жалкий и потерянный вид.

— Помогите. Жена на даче. А мне наклоняться нельзя... Зрение. Врачи запретили.

— А что такое?

— Масло... Я разлил масло на площадке. Надо как-то убрать.

Она посмотрела на пол и увидела осколки трёхлитровой банки и медленно, но верно растекавшуюся лужу подсолнечного масла.

— А почему в банке? Что, в бутылку пластмассовую нельзя было налить?

— У частников купил. В банке было.

Ну что за сосед противный? Что, делать ей нечего было, что ли? На занятие ещё надо настроиться. В окно посмотреть. Вдохновение поймать. Никто в банке масло не покупает, даже у частных. А он... Где он только частных таких нашёл? И разве ж от него отвяжешься? Не по-человечески это. Совесть замучит, если не поможет, но на самом деле убирать это масло так не хочется. Как много в жизни надо делать через силу...

— Уж и не знаю. У меня урок через час. Воду в ведре, я так понимаю, вам тоже менять нельзя. Тяжесть носить, наклоняться.

— Может, я тряпки пойду заготовливать? В масле они быстро пачкаются, — проговорил с извиняющимся видом противный сосед.

— Да. Тряпки. Идите, заготовливайте.

Как раз час она и плюхалась с собиранием масла на площадке, бесконечно меняя воду в ведре. Капли стекали с лестницы, образуя лужи на этаже ниже. Когда всё было закончено и пол блестел, она постучала к соседу и, держась за ноющую поясницу, сказала:

— Всё. Вымыла. Ходите только осторожно. Всё-таки масло. И проветрите, чтоб быстрее пол просох.

— Спасибо. Я так вам благодарен. Я ваш должник. С меня подарок.

— Не надо мне ничего. До свидания.

Потом она рассказывала десятилетним девочкам, как шить мишек Тедди, сначала сбивчиво от усталости, но потом всё больше входя во вкус и преображаясь в весёлую и энергичную преподавательницу. Если бы ещё чашечку кофе в перерыве... Ненормальная: такую зарядку получила, что хоть валерьянку пей, а мысли всё о кофе.

— Вера Никитична, а какой материал лучше для мишки взять: фетр, плюш или мех?

— Уж точно не фетр: он жёсткий, из него шляпы делают.

— А рубашку мишке лучше какого цвета сшить? Может, в красно-синюю клетку?

— Почему бы нет... Только смотрите, чтоб лоскуты по цветам подходили друг к другу.

И вот уроки закончились. Через три часа придут гости. Надо успеть приготовить, ребёнка из сада забрать. Кому только нужны эти дни рождения? В день рождения хорошо бы выспаться, книжку почитать, прогуляться и уж никак не тушить кур и не делать бутерброды. Чашечка кофе улучшила бы настроение, хотя бодрости уже хватает и без неё.

Бегом туда... Бегом сюда... Успеает... Всего-то четыре человека придут: мама, папа и сестра с мужем. Поймут, если что не так. Курица подошла. Теперь в садик за Никиткой. Валерьянки выпить не успею.

Всё. Велка, редкий раз не опоздавший после работы муж и Никитка ходят вокруг стола. Ждут гостей.

Четыре. Мама позвонила и сказала, что Настя с Сашей (сестра с мужем) только через час заберут их с маленькой Варенькой и тогда уж быстро приедут. Расстроенная, говорит, что, если б не маленькая внучка, давно уж примчалась бы к Велке. Ох уж эта деловая колбаса Настя! Кстати, именно из-за неё родственники называют её Велкой. Сестра всего на четырнадцать лет моложе. Однажды четырёхлетняя Настя на вопрос, куда она идёт, ответила: «Да в комнату к Велке своей пойду». Почему-то другим это показалось очень смешно, хотя против прозвищ сами же и восставали.

В общем, что это за день рождения такой, когда за стол нормально не сесть? Уселись втроём. А потом, сытые и спокойные, с половинчатыми, но вполне красивыми блюдами встречали гостей. В разгар скромного веселья кто-то позвонил в дверь.

— Извините, пожалуйста, — сказал сосед, — мне всё-таки

очень хочется вас хоть как-то отблагодарить. Вы избавили меня от кошмара.

Слово-то какое литературное — избавила... Вот тут-то и можно было попросить, чтоб он не сверлил больше в воскресенье с двух до четырёх, когда Никитка спит, но Велка сдержалась: неинтеллигентно это говорить растерянному человеку.

А сосед протянул ей пачку кофе в зёрнах «Бушидо». Классического. Без добавок, без ирландских химических сливок.

— Спасибо, Алексей Николаевич. Но...

— Пожалуйста, возьмите. Я гипотоник, а кофе не люблю. Жене нельзя. Вы люди молодые, вам иногда хочется, а достать негде.

— Спасибо, спасибо большое. Так приятно. У меня день рождения как раз, — зачем-то разоткровенничалась Велка. — Тридцать восемь лет.

— Ну так с днём рождения!

Вечером Велка уже не стала пить кофе. Но завтра, если, конечно, никто больше масло в подъезде не разольёт, она своего не упустит. Хотя что-то уже и не очень хочется...